

Я усмехнулся:

— Я не виню семью Шэн.

То, что поняла даже она, я, разумеется, тоже понимал.

У меня не было претензий ни к Шэн Чаннью, ни к семье Шэн, они не сделали ничего дурного, а брак по расчету — это взаимная выгода для обеих семей. Просто я не сразу до этого додумался. Шэн Чаннь не то чтобы не предупредил меня заранее — он ведь уже обращался ко мне в прошлый раз из-за каких-то пустяковых музыкальных авторских прав. Ему вовсе не обязательно было приходить лично, тем более не нужно было приглашать меня на обед или объяснять причины покупки Ноя. Во-первых, я не его сотрудник, а во-вторых, вообще ему никто.

Но он рассказал мне всё прямо и открыто, ничего не скрывая: он хотел, чтобы этот узел в моем сердце развязался.

Причина, по которой Шэн Чаннь среди всех своих забот и дел нашел время встретиться со мной, была точно такой же, как вчерашним вечером — всё ради брака. Женитьба на ком-то из семьи Шэн не была его спонтанным решением; как и покупка Ноя, она планировалась методично и последовательно. Это я сам не думал в подобном ключе, у меня не хватило дальновидности, и я воспринимал всё слишком просто, поэтому никого нельзя было винить.

Цинь Сюэлэй взглянул на меня:

— Ты что, сам до всего додумался? Ты раньше встречался с этим Шэн Чаннью? Он звал тебя куда-нибудь? Говорил с тобой об этом?

Он задал несколько вопросов подряд, и я посмотрел на него:

— Встречался один раз.

Если говорить об официальной встрече, то всего один раз. Но на самом деле и тогда он сделал мне тонкий намек, бросив перед уходом на обед фразу: Я уже говорил с твоим дедушкой.

Цинь Сюэлэй взъерошил волосы:

— Так почему ты мне не сказал?! Нет, что вообще с этим Шэн Чаннью не так? Увиделась один раз — и сразу проворачивать такие дела!

Моя двоюродная сестра Цинь Юйлинь шлепнула его по плечу:

— Перестань подливать масла в огонь, ладно? Цянь Юй, не слушай его. По-моему, этот Шэн Чаннь очень даже хорош. То, что он предупредил заранее, делает его куда лучше твоего зятя...

Она даже привела в пример собственного мужа. Я молча посмотрел на нее, а она кашлянула:

— Я к тому, что тебе нужно проще смотреть на вещи, думать о хорошем и не мучить себя понапрасну. Не бери с меня пример.

На последних словах ее голос упал, и я молча смотрел на нее. Мы втроем выросли вместе: она была третьей дочерью в семье третьего дяди Цинь, а Цинь Сюэлэй — вторым сыном второго дяди Цинь. Но поскольку мой отец, наставник Цинь, женился поздно, мы были ровесниками, и я знал историю ее прошлого.

Раньше она безумно любила скрипку, а ее любимым произведением была бабочки-влюбленные.

Ее чувства отражали эту мелодию: перед заключением брака у нее тоже был любимый человек — лучший студент с ее факультета, с которым они вместе выступали бесчисленное количество раз.

Как и в этой мелодии, их чувства были глубокими и искренними, но в конце концов ей все равно пришлось выйти замуж за другого — за моего нынешнего двоюродного зятя. Со стороны они казались идеальной парой, созданной на небесах, но она больше не брала в руки скрипку, потому что так и не смогла забыть того человека.

В этом мире есть и другая боль: после того как повидал великие воды, уже никакие реки не идут с ними в сравнение, и не бывает облаков прекраснее тех, что над пиком Ушань.

У меня, должно быть, не было столь глубоких чувств, иначе я не стал бы с такой легкостью наносить удар в спину Линь Цзинь.

Я мужчина, а мужчины, наверное, по природе своей бессердечны и жестоки. Прямо как Цинь Сюэлэй, который давным-давно усвоил этот урок и готов выбрать кого угодно, так что им не о чем беспокоиться за меня.

Цинь Сюэлэй хлопнул ее по плечу:

— Если семья Чэнь станет тебя обижать, скажи мне, я этого так не оставлю!

Цинь Юйлинь тоже шлепнула его:

— Что за глупости? Разве со мной не все в порядке? Даже если семья Чэнь захочет со мной плохо обойтись, посмеет ли он? Передо мной он тише воды ниже травы, мы никогда не ссоримся.

Значит, их брак держался на взаимном уважении, подобном уважению к гостям.

Если бы этот разговор продолжился, она бы только сильнее расчувствовалась. Ведь они

пришли поздравить меня с днем рождения, и собраться вместе удавалось не так уж часто.

Я попросил их пойти отдохнуть и перестать волноваться за меня, указав на кабинет:

— Мне осталось полтора месяца до окончания учебы, нужно идти писать дипломную работу.

Цинь Юйлинь посмотрела на меня:

— ...Трудоголик.

Но ведь нужно же куда-то двигаться вперед и иметь хоть какое-то любимое дело.

Брак между семьей Шэн и семьей Цинь был решен очень быстро: выбрали благоприятный день и сначала решили обручиться.

Перед помолвкой мы с Шэн Чаннйнем виделись еще дважды. Первая встреча напоминала свидание, и он спросил, есть ли у меня какие-то пожелания насчет подготовки к свадьбе. У меня не было никаких мнений по этому поводу: подготовка к свадьбе — дело семей Цинь и Шэн, и я один не мог ничего решать.

Он кивнул:

— Хорошо, тогда я сам все организую.

Я поблагодарил его.

Он взглянул на меня:

— У тебя самого есть еще какие-нибудь пожелания?

У меня самого?

Я посмотрел на него:

— Я хотел бы обсудить с вами одну вещь: я пока не хочу предавать огласке то, что обладаю особым телосложением, надеюсь, вы меня простите.

Я не был уверен насчет рождения детей; если родить не получится, лучше остаться обычным человеком — так будет безопаснее для обоих, и у каждого останется путь к отступлению. Достаточно того, что об этом знают члены семьи Шэн, если они согласились на этот брак именно из-за этого.

Мое телосложение ценилось как редкая драгоценность, и семья Цинь использовала его как

козырь, говоря о нем лишь тем, с кем планировала родство, тщательно скрывая тайну до момента наилучшей выгоды.

Шэн Чанняянь пристально смотрел на меня какое-то время, а затем медленно кивнул:

— Я тоже не хочу, чтобы кто-то посторонний знал, что мой избранник обладает особым телосложением.

Глава 12

Я тоже не хочу, чтобы кто-то посторонний знал, что мой избранник обладает особым телосложением.

Его выражение лица не выдавало ничего особенного, и я немного расслабился.

Я носил на себе это клеймо уже больше двадцати лет, с самого детства и до сегодняшнего дня, и оно стало тяжелым бременем.

У меня больше не было никаких других требований, и я поднял бокал:

— Спасибо. Тогда нужно ли мне соблюдать какие-то правила с вашей стороны?

На этот раз он даже улыбнулся:

— С моей стороны — никаких. Не переживай, твоя жизнь после переезда ко мне не изменится. Захочешь оставаться дома — оставайся, захочешь ходить на занятия — ходи.

— Спасибо, я бы хотел продолжить учебу. Но вы можете не волноваться, я не доставлю вам хлопот.

Он посмотрел на меня:

— Тебе не обязательно быть со мной столь вежливым.

Раз уж он так сказал, я проглотил уже готовое сорваться с языка спасибо.

Наверное, я держал его слишком чуждо, но я просто не знал, что еще сказать. У нас был экономический брак, и мне хотелось надолго сохранить этот союз. Как говорила моя двоюродная сестра, взаимное уважение помогает избегать ссор.

В тот день после ужина мы пошли на концерт классической музыки — он выбрал то, что нравилось мне, поскольку сам музыку не особо жаловал.

Это был третий концерт известного симфонического оркестра в рамках их отечественного турне. Билеты было не достать по той простой причине, что играли они действительно великолепно: драматичная, мощная, бескрайняя и объемная музыка приводила слушателей в полный восторг, но сидевший рядом со мной Шэн Чаннъянь оставался абсолютно равнодушным от начала и до конца.

Говорят, что у музыки нет границ, язык не имеет значения, и главное — чтобы человек умел чувствовать, а наши самые ранние отечественные телепередачи были построены вокруг традиционной оперы именно потому, что она находила отклик в сердцах каждого.

Но Шэн Чаннъянь ничего этого не выказал; он просто молча дослушал концерт, а его руки, лежавшие на коленях, не дрогнули ни единым разом. Я беззвучно усмехнулся: судя по всему, его слова о том, что моя музыка хороша, были лишь простой вежливостью — как бы хорошо я ни играл, мне было далеко до выступлений международных мастеров.

Когда концерт наконец подошел к концу, он вызвался отвезти меня домой. Это был первый раз, когда он официально провожал меня до порога, и мне пришлось его побеспокоить. Он немного посидел у нас дома, беседуя со старшим господином Цинь, вторым дядей и остальными.

Я пригласил его в свою музыкальную комнату и даже сыграл для него одну пьесу. Я старался показать ему все лучшее, на что был способен, в точности так, как того ожидал старший господин Цинь, хотя самого Шэн Чаннъяня это мало волновало. Вероятно, за полвечера музыки его уши уже устали, поэтому я выбрал короткую композицию, которая быстро закончилась.

Я провожал его до выхода, и перед тем как он сел в машину, он взял меня за руку и легко коснулся губами тыльной стороны ладони:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я дождался, пока его машина вывернет за ворота двора, и повернул назад. Заходить в дом не хотелось, и я присел на качелях в саду. Обычно это было излюбленное место моих маленьких племянников и племянниц, но сегодня они уже спали, так что качели принадлежали мне.

Я просидел так довольно долго. В саду благоухали самые разные цветы, наполняя тихую ночь легким ароматом, и я даже слегка задремал на качелях, чуть не заснув окончательно. Меня разбудила проходившая мимо матушка Чжоу:

— Третий молодой господин, почему вы здесь?

Я улыбнулся ей:

— О, я только что проводил Шэн Чаннъяня и присел отдохнуть.

Мне не хотелось говорить ей, что я просто не желаю заходить в дом и встречаться с дедушкой и вторым дядей, хотя я мог бы ответить им, что мы с Шэн Чанн्यानem отлично ладим.

Но это звучало бы настолько фальшиво, что даже такой лицемерный человек, как я, не смог бы произнести это вслух. О каком хорошем ладу можно говорить с человеком, которого видел всего четыре раза в жизни? Но дедушка хотел слышать только хорошие слова.

Услышав это, матушка Чжоу улыбнулась:

— Идите в дом, на улице всё же прохладно. Старший господин вас ждет.

Когда я вернулся, в гостиной дядя и остальные уже разошлись по комнатам, но в кабинете горел свет. Дверь была приоткрыта — это значило, что меня ждут.

Я немного постоял перед дверью. Задремав на качелях, я чувствовал себя сонным и разбитым, голова работала плохо. Сделав глубокий вдох и уже собираясь постучать, я вдруг услышал голос старой госпожи Цинь:

— Фэнсянь, и что ты об этом думаешь?

Бабушка тоже была в кабинете? Тогда входить было нельзя. Я медленно опустил руку и услышал, как старший господин Цинь ответил:

— Сейчас ты сама видишь обстановку. Занимайся подготовкой свадьбы обеих семей в ближайшие дни, пусть Цянь Юй поженится как можно скорее, пока не поздно.

Я молча стоял у двери. Было уже очень поздно, свет в гостиной тускнел, а в коридоре было и вовсе темно. Я молча смотрел на закрытую передо мной дверь: в семье Цинь я уже превратился в тяжелую ношу.

Голос старой госпожи Цинь прозвучал нерешительно:

— Но ведь они совершенно незнакомы друг с другом. Все так быстро, боюсь, Сяо Юй не сможет этого принять.

Голос старшего господина Цинь звучал куда суровее:

— Он уже не ребенок, вырос, крылья отрастили...

Я услышал, как он поставил чашку на стол, и только потом продолжил:

— Этот мальчишка пошел в своего отца, в душе он бунтарь. Он думает, что раз он притворяется послушным в будни, то я ничего не замечаю, но человека видно насквозь с самого детства.

Он фыркнул, словно вспоминая что-то:

— В детстве у него был ужасно упрямый нрав. Когда он совершал ошибку и я заставлял его стоять в углу, он действительно стоял во дворе под проливным дождем и не соглашался произнести ни слова о том, что был неправ, пока не падал без чувств от переохлаждения, но так и не попросил прощения. Я еще тогда понял, что этот ребенок точь-в-точь как его отец! С таким характером нужно обращаться предельно строго, поэтому с самого детства я был к нему особенно суров. Я не хотел, чтобы он повторил судьбу своего отца, но, к сожалению, он все равно меня разочаровал!

<http://bllate.org/book/25902/3095656>